

АКАДЕМИК ФИЛАТОВ

К 1949 году Владимир Петрович лично сделал тысячную операцию.

Филатов был не только блестящим ученым, но и замечательным педагогом. Он создал свою офтальмологическую школу, воспитавшую немало профессоров и практиков-врачей, применивших новые методы лечения, разработанные им.

Судьба свела меня с этим ученым, необычайно интересным и приятным человеком. Желание написать очерк о нем и достигнутых институтом успехах в возвращении людям зрения привело меня на Пролетарский (Французский) бульвар, в стены этого научного учреждения.

Владимир Петрович любезно принял меня в своем кабинете и, узнав о цели визита, представил меня одному из врачей, поручив ему показать институт и ознакомиться с его работой. Тогда я впервые побывал в лабораториях и палатах института, познакомился и побеседовал с сотрудниками и врачами, получил разрешение на посещение института.

При более близком знакомстве с В.П. Филатовым мне стало известно, что род Филатовых составлял не только целый клан, но и династию врачей.

Петр Федорович Филатов, родной брат профессора, выдающегося отечественного педиатра, одного из основоположников педиатрии в России, Нила Филатова, именем которого АМН СССР была учреждена премия за лучшую научную работу в области педиатрии, и отец еще более знаменитого окулиста Владимира Петровича Филатова, был широко образованным человеком и искусным врачом, особенно как хирург. Четверо из шести братьев Петра Федоровича посвятили свою жизнь медицине. Сын Владимира Петровича Филатова, Сергей Владимирович, окончил медицинский институт и спустя годы стал заведовать отделением в институте, носящем имя отца. Дочь Сергея Владимировича — Елена Сергеевна — также офтальмолог, работает в Москве.

Владимир Петрович Филатов родился 27 февраля 1875 года в селе Михайловка Саранского уезда Пензенской губернии. После переезда семьи в Симбирск (позже — Ульяновск) он поступил в гимназию, а отец работал врачом по хирургии и глазным болезням в симбирской земской больнице. Он был очень любознательным человеком и большим любителем странствий. После Симбирска он работал врачом в разных далеких экспедициях: в Персии, на стройке шоссе из Джульфы в Тегеран, затем в Манчжурии — на строительстве железной дороги. Там, на Хинганском перевале, в 1903 году он встретился с известным кораблестроителем, участником постройки первых русских линкоров, академиком Алексеем Николаевичем Крыловым, возвращавшимся из плавания на учебном судне "Океан".

Когда началась русско-японская война, у Петра Федоровича появилось желание быть врачом в действующей армии. Он запасся рекомендациями от своего брата Нила, от московских профессоров-хирургов, собрал свои печатные статьи и явился в Мукден к главнокомандующему Красным Крестом князю Васильчикову.

Тот принял врача стоя, не подав руки.

— Что Вам угодно?

— Я, Ваше сиятельство, хирург, был пятнадцать лет земским врачом, заведовал больницей, был затем в разных экспедициях и на постройке Манчжурской железной дороги. Манчжурию знаю, хотел бы получить службу в одном из госпиталей, имею вот рекомендацию.

— Да, знаете, сколько желающих. Я посмотрю... подумаю...

все места заняты. Позвольте, однако, эти письма.

Князь Васильчиков начал про себя читать их.

— Филатов, Петр Федорович, да это не Вы ли мне лет пятнадцать тому назад Лебедку продали?

— Я.

— Вы бы так и сказали, — он схватил Петра Федоровича за обе руки и усадил в кресло. — Ведь какая красавица-то была, какие от нее щенки пошли, ведь я породу до сих пор сохранил, чистых кровей!

Через полчаса Петр Федорович Филатов вышел от князя главным хирургом одного из самых больших полевых госпиталей.

...После окончания Симбирской гимназии Владимир Петрович



Филатов стал студентом медицинского факультета Московского университета. С 1899 по 1903 год Филатов занимал должность ординатора Московской глазной больницы, а в 1903 году был приглашен профессором Головиным в Одессу — на такую же должность в клинику глазных болезней Новороссийского университета, с которым связана вся его дальнейшая жизнь и деятельность.

В Южной Пальмире профессор Филатов жил по разным адресам: в довоенное время — на улице Гоголя, после войны — на Приморском бульваре, затем в Куликовском переулке и в последние годы своей жизни — на Пролетарском (Французском) бульваре.

Через три года В.П. Филатов был уже ассистентом клиники, а в 1908 году тридцатитрехлетний ученый защитил докторскую диссертацию. В следующем году молодой доктор наук получил приват-доцентский курс, а через три года был утвержден заведующим кафедрой и клиникой глазных болезней медицинского факультета.

Когда была закончена постройка двух трехэтажных корпусов и ряда подсобных зданий Украинского института глазных болезней им. академика В.П. Филатова, ученый со своим коллективом получил возможность широкой клинической и лабораторной разработки научных проблем.

В годы войны Филатов с частью своих учеников находился в эвакуации в Ташкенте, где институт был восстановлен в сокращенном объеме на базе эвакуированного госпиталя. В сентябре 1944 года Филатов возвратился в Одессу. Институт был разрушен и опустошен оккупантами. Прошли годы. Институт поднялся из руин и снова заработал в полную силу, возвращая зрение больным, среди которых большинство было инвалидами Великой Отечественной войны.

Владимир Петрович — крупный ученый, врач-клиницист, блестящий хирург, одаренный педагог — был интересным, любознательным и остроумным собесед-

ником. Собственно, в беседе, как правило, говорил и рассказывал больше он. В его квартире на литературные вечера собирались коллеги и ученики. Филатов был еще и одаренным художником.

В короткие периоды отдыха маститый ученый писал мемуары, а с наступлением весны жители Одессы нередко видели его на склонах Аркадии, Малого Фонтана, на берегу моря пишущим этюды.

Следует упомянуть, что в 1902 году одесским художником Кириаком Константиновичем Костанди было основано Товарищество южнорусских художников (ТЮРХ). Активное участие в его деятельности принимали писатель и художник-любитель Александр Абрамович Кипен, бывший председателем Товарищества после смерти Костанди в 1921 году, а также два профессора медицины: офтальмолог В.П. Филатов и хирург-педиатр В.П. Снежков. Кроме этого, в документах Одесского областного архива мною найдено письмо Художественного общества при Доме ученых, датированное 19 марта 1926 года и подписанное: "Председатель Филатов".

...Однажды в назначенное мне время Владимира Петровича в институте не было, и мне предложили пройти к нему на дачу, располагавшуюся рядом с территорией института. Небольшая дачка утопала в зелени деревьев, на газончиках — ковер цветов. Было жаркое лето, но на веранде, где мы сидели, была приятная прохлада. Владимир Петрович рассказывал мне о восстановлении института, работе врачей. На стенах веранды и комнат висели небольшие картины, написанные академиком медицины. В них много света, зелени, воздуха и лазурного южного теплого Черного моря, которое так любил Владимир Петрович.

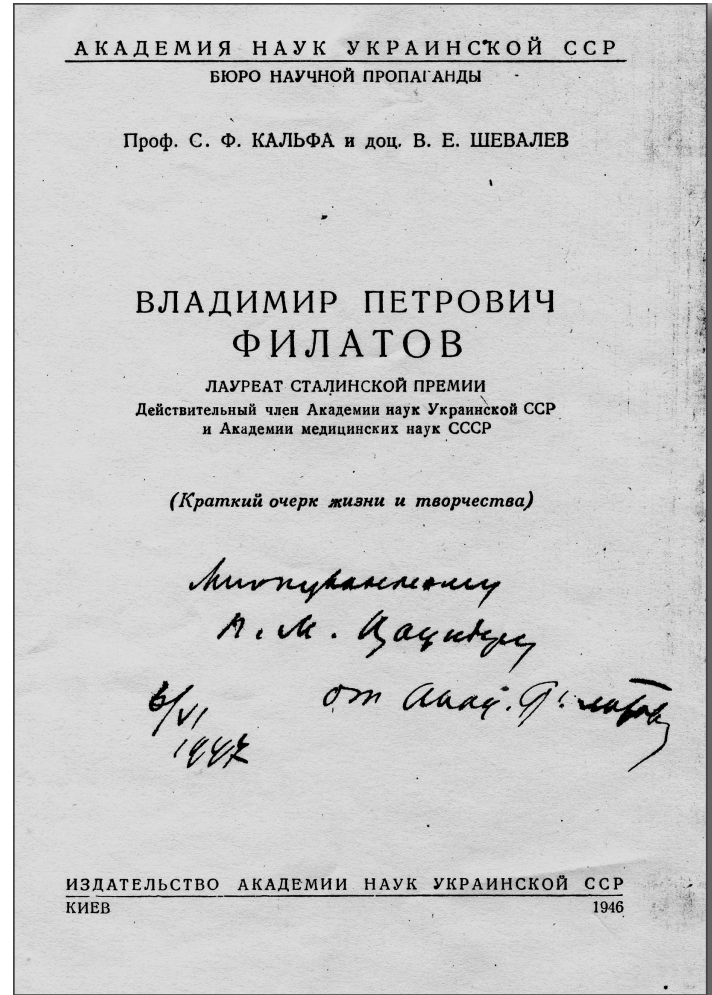
Осенью 1949 года, находясь в служебной командировке в городе Мукачеве Закарпатской области, я узнал, что в санаторий, носивший имя Хрущева, расположенный в двенадцати километрах от города, приехал отдыхать Владимир Петрович с женой, Варварой Васильевной Скородинской. Мы уже были знакомы с ней по Одессе, и я решил навестить их в первый же выходной день.

...Воскресный день, когда я приехал на Берегвар, был солнечным, тихим и по-осеннему теплым. В отведенных Филатову комнатах никого не было. Зная о любви ученого к природе и его увлечении живописью, я решил побродить по лесопарку, окружавшему корпус санатория, в надежде на встречу с ним.

И действительно, среди стройных карпатских елей я увидел на складном стульчике за мольбертом знакомого фигуру профессора, а невдалеке — сидящую на траве Варвару Васильевну. Я подошел к ней тихонько, чтоб не отвлечь от работы Владимира Петровича. Она узнала меня. Мы разговорились с ней вполголоса, сидя на траве, и обменивались впечатлениями об окружающей нас красоте.

Не прошло, вероятно, и получаса, как из-за густых зарослей вышла крестьянская женщина, держа за руку мальчика лет восьми — девяти, и направилась прямо к профессору. Остановившись в нескольких шагах от него, она, извиняясь, обратилась к доктору с просьбой помочь ее сынишке.

Когда-то давно, еще в Одессе, Варвара Васильевна рассказывала мне, что Владимир Петрович любит проводить свой отпуск в поездках по стране, упомянув и о том, что никогда и нигде ему не удается спокойно отдохнуть больше трех дней. Весть о приезде известного профессора-окулиста быстро разносится по округе, и нуждающиеся в помощи



осаждают его. Начинается паломничество, которое заканчивается только с отъездом доктора. Теперь я стал невольным свидетелем того, о чем слышал раньше от жены профессора.

Филатов не отказал обратившейся к нему женщине и назначил время для встречи.

Когда Владимир Петрович, окончив свою работу, начал складывать мольберт, я подошел к нему. Он, вспомнив о наших встречах в Одессе, узнал меня и, подав руку, любезно пригласил к себе. У дверей выделенного ему помещения сидел мужчина. Приглашая меня войти в комнату, Владимир Петрович сказал ему:

— Этого молодого человека пропускайте ко мне всегда.

Мы вошли в обитель Владимира Петровича и Варвары Васильевны. Две большие просторные комнаты на первом этаже были светлыми и веселыми, через большие окна, в которые заглядывали ветви елей, были видны и блеск озера, и лесопарк.

Владимир Петрович с Варварой Васильевной отдыхали здесь около месяца в прекрасную пору сентября — октября, и я, воспользовавшись любезным приглашением, получил возможность приехать в Берегвар и встретиться с ними. Владимир Петрович всякий раз рассказывал что-нибудь о своей работе, о своих поездках и встречах и всегда затрагивал интересные и необычные темы. Однажды, рассказывая о своей увлеченности живописью, он сказал:

— В своих этюдах я рисовал море, лес, реки, небо и облака. Мы привыкли видеть облака с земли. Но когда летим в самолете, то облака, плывущие под нами, имеют совершенно другой вид, очертания, окраску, оттенки. И мне очень хотелось бы нарисовать их оттуда, сверху.

Его слова запомнились мне и, летая на самолетах (а по роду работы мне приходилось довольно часто летать в разные районы страны), я невольно стал обращать внимание на облака, проплывающие под нами. Владимир Петрович был прав. Сверху они имели совершенно другой вид.

Профессор медицины хорошо рисовал и писал маслом. Он отдавал занятиям живописью каждую свободную минуту. Говорил, что если бы не стал врачом, то обязательно был бы художником. К слову. В музее Филатова, который создан в ин-

ституте, состоялась выставка картин, написанных знаменитым ученым.

Как-то Владимир Петрович перевел разговор на совсем неожиданную для меня тему.

— Вы — геодезист по специальности, — сказал он. — Работаете с оптическими приборами. А нельзя ли применить ваш инструмент — нивелир — в медицине для определения величины опухолей? Хорошо, — продолжал он рассуждать, — когда специалисты одной профессии вторгаются в совсем другую, неизвестную им отрасль знаний. Иногда они дают очень ценные предложения и советы.

Там, в Закарпатье, у Владимира Петровича произошла очень приятная и неожиданная встреча с его бывшими пациентами. К нему в санаторий приехал рабочий одного из литейных заводов Закарпатья, по фамилии Чорба. Еще в 1937 году, двенадцать лет назад, он был в институте на излечении — на его правом глазу было бельмо. Тогда он видел только тень пальцев перед глазами. Но зрение его было спасено. Он приехал повидаться с профессором вместе со своей женой, с которой познакомился там же, в Одессе, в институте имени Филатова.

В одной из своих статей В.П. Филатов писал: "Почти за 50 лет моей офтальмологической деятельности я не имел основания разочароваться в выбранной мною еще на студенческой скамье специальности."

Когда-то американский юморист Марк Твен сказал, что смешное зрелище представляют молодой пессимист и старый оптимист. К себе, как специалисту, я не полагал бы возможным применить эту сентенцию. Мой офтальмологический оптимизм, моя вера в прогресс нашей науки поддерживаются целым рядом успехов, достигнутых офтальмологами в дорогой мне специальности".

Мне памятна и очень дороги и знакомство, и незабываемые встречи с моим земляком, выдающимся ученым, и я бережно храню приехавшую со мной за океан книжечку с дарственной надписью, сделанной академиком В.П. Филатовым тогда, на даче, пятьдесят пять лет назад, в далеком уже 1947 году.

Павел ЦАУДЕР,
Сан-Франциско.